

А. Ю. Рогачева

Философия безнадежности, или Как возможно сообщество

В человеке важно то, что он мост, а не цель: в человеке можно любить только то, что он *переход и гибель*.

Я люблю, тех кто не ищет за звездами основания, чтобы погибнуть и сделаться жертвою — а приносит себя в жертву земле, чтобы земля некогда стала землею сверхчеловека.

Ф. Ницше. Так говорил Заратустра

Темой данного доклада могла бы стать работа Морис Бланшо «Неописуемое сообщество»*, но обозначить философскую работу как тему — значит вовсе ничего не сказать. Сообщение о прочитанном представляется мне совершенно бесполезным занятием; нет ничего бессмысленней, чем пересказывать текст, который кроме тебя никто не читал. Чтобы состоялся контакт или «сообщество», феномен, который здесь еще будет прояснен, необходимо нечто большее, чем пересказ. Необходим Рассказ — то, что делается не пересказчиком, но Автором. Чтобы состоялось «сообщество», придется не просто пожертвовать чем-то, но стать «жертвой», «принести себя в жертву» общему делу, — этим «тайнством» будут повязаны сообщники, те, что и составляют Истинное сообщество. Внутренний опыт, полученный в результате прочтения текста, невозможно передать простым его воспроизведением. Чтобы текст длился, необходим Другой текст (текст по поводу текста). Это рискованное дело, так как заранее неведомо, ждет ли нас удача узнавания первого текста или провал и забвение его. Единственное, что может послужить залогом удачи, так это полное отсутствие надежды на успех.

---

* Бланшо М. Неописуемое сообщество. М., 1998.

Решившись на построение Другого текста, мы должны помнить, что это предприятие столь же уникально, сколь и банально. Не будет ни одной мысли, какую бы мы не прочитали в образцы мудрости, которую уже кто-то и когда-то не произнес до нас. Избежать банальности — тоже одна из задач данного текста. Но если мы одиноки (а мы — одиноки, иначе бы не стояла перед нами «проблема» этого сообщения) в своем предприятии, то опасаться нам нечего, ибо провал, как и удача, в равной степени принадлежат только нам.

Собственно текст, о котором здесь говорится, здесь же и начался. Ни в одном из предложений мы не вышли за рамки работы Бланшо; феномены «таинства», «причастности», «жертвоприношения», «сообщества», «внутреннего опыта», «одиночества» — одни из основных в его тексте.

Начать бы хотелось с главной темы Бланшо — темы сообщества. Как вообще возможно сообщество, если тот, кого часто называют его членом, абсолютно одинок, если слова «общество», «сообщество» абсолютно противоположны в своем значении реальности, если это единственное слово (сообщество), которым закреплен феномен единства, является тем, что его же и скрывает? При каком условии людей, живущих абсолютно разрозненно, в том смысле, что каждый живет только своим, можно причислить к сообщникам? Единственное, что нельзя отнять ни у одного из нас, так это смерть, которая принадлежит всем и каждому. Мы, как члены сообщества смертных, абсолютно равны. Умирание — единственное условие возможности «причастности» к какому бы то ни было сообществу. Мы причастны к сообществу в силу «принципа неполноценности»; принцип недостаточности — принцип наших способностей к существованию. У нас нет достаточно сил, их и не может быть, чтобы переживать жизнь самодостаточно (ибо мы по природе своей изначально ограничены для жизни смертью). Принцип недостаточности, организующий в стремлении к сообществу: другой нужен не потому, что вместе легче, но в силу того, что неполноценный может существовать только с помощью другого (такого же калеки).

«Это и в самом деле принцип, определяющий возможности определенного существа и направляющий их. Отсюда следует, что такая принципиальная нехватка не связана с необходимостью полноценности. Несовершенное существо не стремится объединиться с другим существом ради создания полноценной общности. Сознание несовершенности происходит от его собственной неуверенности в самом себе и чтобы осуществиться ему необходимо нечто другое или некто другой» (с. 12).

Сообщество смертных, причастность к смерти делают возможным всякий феномен общности. В таком, например, явлении, как Народ, видна близость его со смертью. Мало того, что сам народ организован этой близостью (например, хоровод, народный танец, — это не что иное, как танец смертных, — смерть хором водит), наряду с этим, он еще и сам по себе смертоносен. Народ «либо присутствует, либо отсутствует», когда он присутствует — он угроза спокойствию, он разрушительная сила. Там, где народ, там смерть, ибо он существует так, что границы, поставленные частным страхом, стираются (имеются в виду границы между жизнью и смертью), т. е. народу терять нечего.

Помимо того, что смертность делает возможной общность, она также есть условие всякой причастности. Способность быть причастным к какому бы то ни было событию — порождает истинное сообщество, сообщество соучастников одного Дела.

«Вот что образует сообщество. Не было бы никаких сообществ, если бы не было переживаемых сообща событий, первого и последнего, которые в каждом из нас лишаются возможности существовать» (с. 18).

Итак, еще раз необходимо подчеркнуть, что смерть является фундаментальным организующим началом для возможности всякого сообщества. Смерть как «угроза», будь то смерть другого или своя собственная, провоцирует к «внутреннему опыту», создающемуся для Другого. Внутренний опыт существует лишь для того, чтобы быть разделенным.

«Таким образом, „внутренний опыт“ свидетельствует о чем-то прямо противоположном тому, что нам чудится в его свидетельстве: о самопроверяющем движении, которое, исходя от субъекта, его же и опустошает, ибо коренится прежде всего

в соотношении с другим, равнозначным всему сообществу, которое было бы ничем, если бы не открывало того, что подвергает себя бесконечному отчуждению, и в то же время не предрешало его неумолимую конечность» (с. 28).

Существование «внутреннего опыта» раскрывает уникальную саму по себе возможность коммуникации, возможность быть включенным в переживания другого: «никто не умирает в одиночку». Феномен сопереживания крайне интересен для Бланшо, ибо он показывает насколько действительно равны (не приравнены) смертные в своей принадлежности к смерти. Они настолько равны, что каждый в отдельности способен воспринять смерть другого, как собственную.

Однако событие общности, а мы, как уже видно, интересуемся именно событием, не может нами быть прояснено при отсутствии описания условий его невозможности. Невозможность, отсутствие оснований для происходящего — единственное, что может дать понять уникальность свершившегося. Бланшо несколько раз повторяет, что описываемое им сообщество — прежде всего «сообщество тех, кто лишен сообщества». Само название книги говорит за свое содержание — «Неописуемое сообщество», сообщество, которое нельзя даже описать, на него нельзя указать и тем самым обнаружить, сделать явным, подобно вещам.

Бланшо, как опытный врач, ставит диагноз постоянно длящейся ситуации, в которой отсутствует какая бы то ни было возможность сообщества. Вслед за постоянно им цитируемой Маргерит Дюра он называет это «болезнью смерти». Болезни смерти подвержены те, кто неспособен на сообщество, но вернее будет сказать, что эта неспособность есть результат прогрессирующего заболевания. Болезнь смерти делает человека неспособным. Симптомы этой болезни хорошо всем знакомы: «нехватка чувств», отсутствие «аппетита», неспособность к избыточным переживаниям. Больные не живы для смерти. Они умерли до того, как родиться для переживаний жизни.

«...я только тем и занимался, что умирал заживо, я и думать не думал, что смерть — это жизнь, замкнувшаяся на мне одном» (с. 53).

Бланшо вводит «героя-любownika», чтобы наглядней показать, на что неспособен человек, пораженный этой болезнью. Приступы этого недуга настолько длительны, что редкие моменты прояснения выглядят, наоборот, как обострения, «нездоровое» отклонение от обычного (больного) состояния.

Тема любви очень сильна у Бланшо, она удачно демонстрирует, как возможно сообщество не имея на то основания. Феномен «сообщества любовников» скорее говорит о своем отсутствии, о несостоятельности любви, несмотря на то, что это чувство фактически закреплено в качестве «основного инстинкта», а значит, каким-то образом гарантировано его постоянное появление. Однако если и возможно «сообщество любовников», то скорее вопреки его возможности, вернее, помимо каких-либо условий и возможностей.

Упомянутый «герой-любownik» вовсе не такой уж герой любви, ибо «болезнь смерти» лишила его способности чувствовать; переживания живых людей ему недоступны, они кажутся ему надуманными: «он находит их неуместными... потому что они суть выражения жизни, бьющей через край, тогда как он изначально лишен таких радостей». Но «герой» хочет любить. Он даже заключает сделку с одной особой. По условиям сделки эта особа оказывается в полном его распоряжении. Его желание любить оказывается весьма необычным для него. Фактическая принадлежность ему женщины остается чистой формальностью, а заключение соглашения вовсе не гарант воплощения желания, не условие его реализации. Его желание слишком необычно для него самого, это желание невозможного — пережить Нечто, будучи не в состоянии вообще что-то пережить, и никакие контракты здесь не помогут, хотя это единственное, на что он остался способен. «Герой» способен только на «лицедейство». Он все время гримасничает, бесконечно подвижен, всегда чем-то занят, все что-то пытается предпринять. Складывается такое впечатление, что вещи, которыми он занят так самозабвенно и которым поэтому он сам всецело принадлежит, лишь загромождают, прикрывают «дыру», пустоту — скрывают его отсутствие. Соответственно, так оно и есть, ведь он «мертвец» — тот, кого уже нет, — само отсутствие.

Однако встает вопрос: откуда у «мертвеца» желание, причем особое желание, не просто владеть женщиной, но добраться до «Последней Реальности», пережить ее? Сам Бланшо ограничивается тем, что обозначает исток желания, «женское начало» (возможно, он прав, не сказав больше, ведь это то, что не поддается раскрытию, ибо «нечто» в нем не содержится). Но как нам понимать присутствие этого «начала»? Это вопрос, который мы можем себе поставить. Но чтобы прояснить это, прежде нужно понять смысл и значение «Абсолютно женского».

«Абсолютно женское» — реальность, становящаяся видимой лишь с Ее исчезновением. Реальность женского, говоря словами Хайдеггера, «ближайшим образом и большей частью» в забвении. Сама Она всегда готова (выжидает) к от-клику на призыв, Она заранее абсолютно на все согласна. Способ, каким Она существует, — бодрствование сна. Будучи пассивной, Она своей неподвижностью, умиротворенностью побуждает других к действию, к движению, к актам, зачастую грозящим Ей самой гибелью: «чем крепче сон — тем страшнее затаившаяся в спальне беда». Она занимает выжидательную позицию, Она большей частью ждет, когда случится Нечто, что приведет ее к «гибели», а значит, к утверждению. Нужен Герой-любовник, с которым Она смогла бы реализовать свою «абсолютную женственность», стать жертвой, превратиться в смерть, в Ничто для Рождений.

Для читающих Хайдеггера, образ «Абсолютно женского» мог бы стать «картинкой» для ситуации, в которой оказывается «философ» с его «фундаментальным вопросом» о смысле Бытия (вопрос кажет себя издаека, исчезнув). Бытие, подобно «Абсолютно женскому», как бы «присутствует отсутствуя». Его и «видеть»-то можно только «искоса поглядывая», «вприглядку», Оно подобно солнцу, смотреть на которое «в упор» нельзя. Стоит подчеркнуть, что женское тело предстает у Бланшо как сама экзистенция. «Абсолютно женское» — это Тело Бытия, владеть которым абсолютно невозможно, скорее ты находишься в его вечном плену.

Таким образом, становится ясно то, что у «героя-любownika» названо «женским началом», призвано обозначать

свое отсутствие. Тело бытия, не успев показаться, исчезло, не дав герою опомниться. Оно исток желания в том смысле, что его отсутствие кричит, нашептывая о себе, заглушая все остальные голоса. Особенность этого желания в том, что оно не может в перспективе быть завершенным, но именно этим желание и сильно, так как отсутствует даже малейшая надежда на его воплощение. Желаемое заманивает своей безнадежностью (даря своей жертве в некотором смысле самую неизбежную Надежду): чем запретней плод, тем яростней желание. Вот почему так «самозабвенно» хочет соединиться с женским телом «герой», но для него это — губительное стремление. Возможно, только смерть и сможет избавить его от ею же спровоцированной болезни. Пораженному «болезнью смерти» «женское» слишком близко и слишком недоступно (слишком близко своим отсутствием и слишком недоступно своим присутствием). Женское тело совершенно инородно (мужскому), оно иного рода. Герой обречен вечно воспринимать Его как загадку, тайну (самого себя).

Теперь стоит вернуться к проблеме невозможности любви. Встает вопрос: на каких основаниях мы столь категорично вслед за Бланшо констатируем недоступность самой любви для «героя-любownika»? Он же все время хочет именно любить, но проблема в том, что одним желанием здесь не обойтись. Желание любить вовсе не рождает само чувство, скорее оно — жалкая замена его, замена, узурпирующая место подлинного события, заслонившая его возможность. Не потому ли «герой» имитирует само чувство желанием чувствовать, т. к. оно слишком опасно или, вернее сказать, опасно Дело любви, которое могло бы его манить, но оказывается чуждо, далеко, безразлично и не заманчиво (он «мертвец», а какие у него могут быть опасности). Но возможно, он только прикинулся мертвым? Тогда зачем ему Она?

Любовь, как пишет Бланшо, это «Мировая игра», самая опасная, смертельная. Ставка в ней делается только один раз, эта ставка — собственный мир, привычная устроенная жизнь. Причем при любом исходе игры приз достается самой смерти. Это заведомо безнадежное Дело — дело безнадежных игроков, гарантом выигрыша которых является

абсолютный риск. Событие любви совершается под знаком Смерти. Смерть — главная фигура начала и конца игры. Путь, который предстоит Герою-любовнику, очень странный: нет ничего, что можно было бы взять в дорогу. Лишь решившись расстаться с какой-либо ношей, даже если ей окажется сама жизнь или мир, он может начать свой путь. Герой умирает для мира, чтобы родиться для Страсти. Бланшо пишет по этому поводу следующее: «там, где складывается эпизодическое сообщество двух существ... образуется некая военная машина или, правильнее говоря, создается возможность угрозы... — угрозы вселенского разрушения» (с. 67). Все, что в привычном состоянии составляет ценность, обесценивается, ставится под угрозу теми, кто вынужден рисковать для того, чтобы остаться в живых. Страстность, побуждаемая смертельной угрозой, разрушает все, что попадает ей на пути, ибо нет ничего, кроме смерти, на чем она могла бы остановиться. Слишком опасны те, кто все время имеет дело с опасностью. Смерть символизирует еще и конец, завершенность события любви. Любая «регистрация», обнаружение страсти — «печать», поставленная самой смертью в «свидетельстве о смерти» любви. Ромео и Джульетта провели свою первую и последнюю брачную ночь на «смертном» ложе. Убийца Ромео провел ночь с женой в спальне, где она потом охладела и отсюда ее отнесли в склеп.

В силу того что смерть — единственное условие этой игры, любовь способна ее преодолеть.

«Она (любовь) не упраздняет смерть, но, переходя за ее грань, делает ее неспособной помешать нам принять участие в судьбе другого...» (с. 63).

Смерть обезличивается, теряет свой лик, оно — место для выразительности — заполняется другим лицом (лицом другого), к которому неумолимо обращается тот, кому угрожает эта смерть и кто, при той же самой угрозе, готов умереть ради Другого. «Воистину, любовь это безмерное чувство». За этой банальной фразой скрывается то обстоятельство, что даже смерть перестает быть мерой, границей этого состояния, открывая бесконечные просторы для радости и горя. Нет иного чувства, которое вынуждало бы

к насилию над другим лишь для того, чтобы подтвердить безграничную силу своей к нему принадлежности, и которое бы делало подчинение, доходящее до полного самоуничтожения, самым желанным способом закрепления своей причастности к другому.

Но на такое «безумство» не способен «герой-любовник», пораженный «болезнью смерти». Он не способен ни причинить боль, ни доставить радость другому. Теперь нам видно, что он великий Притворщик, обманывающий собственную смерть и заодно самого себя. Единственная причина его болезни — симуляция самой смерти. Привычка к симуляции не позволяет играть честно, лишь по условиям такой игры он смог бы преодолеть свою болезнь смерти и добраться до «Последней Реальности». Однако симулянт не способен на такое, слишком много риска, хотя обмануть смерть можно, лишь глядя ей в лицо.

«Смерть хоть и призывается, но в то же время обесценивается, а бесчувствие героев столь ничтожно, что они не решаются переступить роковую черту, отделяющую их от смерти» (с. 68).

Этот герой-симулянт слишком одинок, чтобы разделить с кем-то свое одиночество, то есть быть готовым к двойному одиночеству. Он обречен на «тщету объятий», его прикосновения — это прикосновения Пустоты, пустоту рождающие.

Способность к «неописуемому сообществу» присуща тем Одиночкам, что решаются на безмерное одиночество, через которое они, каждый Своей участью, становятся Соучастниками, вступают в подлинное сообщество, грозящее каждую минуту распасться.

«...особость того, что не может быть общим, как раз составляет суть этого сообщества, вечно приходящего и с каждым мигмом распадающегося» (с. 79).

Подлинность реальности этого сообщества подтверждается лишь тем, что о нем никто не вспоминает и ведать не ведает, если оно случилось. Подлинное не нуждается в заверении, следах своей подлинности.

Сообщество — «неописуемый» феномен. Во-первых, потому, что опыт его самого нельзя удержать в словах; во-вторых, потому, что оно не дает себе в чем-то сказаться;

в-третьих, потому, что оно появляется в силу некоторого недоразумения (не углядели, упустили из виду — вот и случилось). Только так возможно сообщество тех, кто на него неспособен.

Данный текст мог бы оказаться способом дления первого, лишь в том случае, если докладчик играл по-честному, так как это единственное условие творчества. Бланшо в конце своей книги говорит, что фиксирование опыта сообщества невозможно в словах, однако слова — единственное средство, которым мы располагаем.

«...нужно говорить хотя бы для того, чтобы помалкивать. Но что именно говорить?» (с. 78).

Заданный вопрос мог бы найти здесь ответ. Необходимо было сказать о другом, другим, другими словами, чтобы умолчать о главном и тем самым его показать. Это и было главной целью данного доклада — пытаться говорить о сообществе так, чтобы оно случилось, а не сделалось явным для «разумения».